

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦА В ЦИКЛЕ А. КУШНЕРА «ПЕРЕБОИ СМЫСЛА»

И. С. Балабанович

Рассматривается прагматический аспект грамматической категории лица в стихотворениях А. Кушнера, вошедших в цикл «Перебои смысла», выявляются случаи переносного употребления форм 1, 2 и 3-го лица в текстах стихотворений А. Кушнера, определяется роль категории личности в создании идейно-образного своеобразия произведений данного цикла.

This article presents the pragmatic aspect of the grammatical category of the person in A. Kushner's poems which have been included in the cycle «Interruptions of Sense», figurative use of forms of the first, second and third person in the texts of A. Kushner's poems is revealed, the role of the category of personality in creating ideological and imaginative singularity of the works of this cycle is identified.

К л ю ч е в ы е с л о в а: грамматическая категория лица; личность; прагматика; I, II и III типы речи; переключения лиц в лирике.

К e y w o r d s: grammatical category of a person; personality; pragmatics; I, II and III types of speech; impersonation of persons in lyric.

Грамматическая категория лица местоимений и глаголов занимает особое место в ряду грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов. Во-первых, грамматическое значение (в отличие от лексического) является обязательным и дополнительным в слове. Этим признаком обладает лицо у глаголов и у местоимений. Занимая место лексического значения, оно оказывается главным в слове, дано как бы крупным планом. Во-вторых, в отличие от категорий с чисто пространственной (род, число и др.) и с чисто временной (время, вид и др.) семантикой, лицо имеет комплексную, пространственно-временную семантику и поэтому лучше других способно выразить идею хронотопа. Эти черты категории лица, наряду с ее шифтерным характером, и определяют во многом ее эстетические возможности.

Как отмечают исследователи, «в лирике грамматическое лицо не только создает коммуникативную рамку, но и играет одну из главных ролей в формировании поэтического смысла» [2, с. 85].

Полевое представление категории лица в концепции Санкт-Петербургской грамматической школы позволило квалифицировать ее не только как грамматическую, но и как функционально-семантическую

категорию личности, которая имеет свое функционально-семантическое поле [1, с. 5]. Функционально-семантическая характеристика средств выражения личности дает возможность определять ее как категорию актуализационную, соотносящую с точки зрения говорящего обозначаемую ситуацию и ее участников с участниками речевого акта. Представители функциональной грамматики предлагают рассматривать категорию лица как ядерное грамматическое средство выражения функционально-семантической категории личности, которая выходит за рамки форм лица глаголов и личных местоимений. Менее формализованные (периферийные) средства функционально-семантического поля личности представляют собой «группировку разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных лексико-грамматических) средств языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу» [1, с. 7].

Категория личности имеет преимущественно прагматический характер, так как прагматические аспекты семантических функций непосредственно касаются отношения высказывания к участникам речевого акта и его условиям.

Нами предпринята попытка исследования грамматической категории лица в прагматическом аспекте на материале цикла стихотворений А. Кушнера «Перебои смысла» из сборника «На сумрачной звезде» [3], признанного одним из лучших в творчестве поэта: за этот сборник в 1995 г. А. Кушнер был удостоен Государственной премии Российской Федерации.

В цикле представлены все три типа речи, выделенные Г. Я. Солгаником по характеру построения (от 1, 2 или 3-го лица). I тип речи (высказывания от 1-го лица) доминирует, что объяснимо природой лирического текста. При этом автором используются как прямые, так и косвенные средства выражения я.

К прямым средствам относятся формы я, мы, соответствующие глагольные личные формы и притяжательные местоимения: **Я** сейчас тебе **скажу** / *Что-то важное, вниманье!* [3, с. 43]; ...*Таких наперечет / Занятий вдумчивых у нас: усердье сладко / Так, словно, детское, меня переживает!* [3, с. 48]; **Мне** грустно. *Ниточку на палец намотав, / В кармане найденную, обхожу я шкаф...* [3, с. 52].

А. Кушнером активно используются и косвенные средства выражения я, представленные:

1) в побудительных и вопросительных высказываниях (отношение которых к я «обнаруживается благодаря тесной координации я и ты»

[5], так как «обращенный к собеседнику вопрос или побуждение может исходить только от я» [5]): *Пройдись по комнате иль на диван приляг* [3, с. 50]; *Не суй свой нос, не лезь к миропорядку / С расспросами* [3, с. 46]; *Неужели беда у изысканно-модных таких, / Элегантно-безгрешных случается тоже, нарядных, / В их хлопчатобумажных, ворсистых краях шерстяных / И велюрово-фетровых? Может быть, чья-нибудь в пятнах / Оказалась накидка?* [3, с. 55]; *А ваше дитя? Или двух вы хотите смертей, / Трех, чадолюбивые? Сколько их в вашей программе?* [3, с. 59];

2) эмоционально-восклицательных высказываниях (принадлежность которых говорящему выражается «посредством интонации, словопорядка, частиц, междометий и т. д.» [5]): *Как женщины мрачны! Как женственны мужчины!* [3, с. 57]; *Вот так, другое дело!* [3, с. 56];

3) высказываниях с вводными словами и сочетаниями: *Расцветать, так сказать, заслоняя действительность...* [3, с. 49]; *Но ощущения, – им, точно, сносу нет* [3, с. 48].

В лирических текстах А. Кушнера имеет место относительное употребление I типа речи, когда производитель речи и ее субъект (говорящий) не совпадают. Это связано с наличием образа лирического героя, который близок образу автора, но не тождествен ему.

Во многих стихотворениях отмечена форма 1-го лица множественного числа. Это обобщенное *мы*, которое может быть понято по-разному: «Мы означает 'я' + 'кто-то другой'. И вот эта вторая семантическая составляющая *мы* может быть чрезвычайно разной» [4, с. 48].

В стихотворениях А. Кушнера *мы*, как правило, гораздо шире, чем 'лирический герой + лирический адресат', кушнеровское *мы* включает и лирического героя, и адресата, и читателя, что создает ощущение близости, единства читателя и лирического героя, их существования в общем временном и культурном поле: *Таких наперечет / Занятий вдумчивых у нас: усердье сладко / Так, словно, детское, меня переживает!* [3, с. 48]; *Слезы из нас не выжать. / Не те страдания и подвиги не те, / И чувство юмора нам помогало выжить* [3, с. 52]; *Затем что и сверху, и снизу, и сбоку – Всевышний, / Поэтому дальний от нас, выясняется, – ближний, / Спешащий на помощь, как этот лишайничек лишний* [3, с. 64].

Даже если в тексте дается указание на какую-либо конкретную общность, обозначение которой должно служить в художественном контексте второй составляющей *мы*, обобщенный, философский характер рассуждений поэта заставляет читателя тем или иным образом соотнести себя с этой общностью. В качестве примера приведем сти-

хотворение «Вставанием усопшего почтили...», в котором мы можно трактовать как 'лирический герой + те, вместе с кем он почтил память усопшего минутой молчания', но широта философских обобщений вынуждает читателя к попытке интегрироваться в это *мы*: *Пусть на рассмотрение / Предложат список для голосованья. / И то сказать, мы больше чем мгновенье / Стояли молча, странные созданья* [3, с. 61].

Степень «слияния» лирического героя и читателя увеличивается, когда форма 1-го лица множественного числа *мы* противопоставляется форме 3-го лица множественного числа, употребленной в составе неопределенно-личной конструкции: *Этот мир, как соринку из глаза, / Вынут нам с набежавшей слезой. / Лишь бы в этой слепой проволочке / Доверяли мы легкой руке, – / И покажут его на платочке, / На крахмальном его уголке!* [3, с. 51].

II тип речи – высказывания, строящиеся от 2-го лица, – также широко представлен в стихотворениях цикла «Перебои смысла» за счет употребления во многих стихотворениях форм 2-го лица, выступающих в обобщенно-личном значении. Формы 2-го лица единственного числа здесь формально указывают на адресата, под маской которого может выступать любой человек, в том числе и сам лирический герой, и читатель: *Не суй свой нос, не лезь к миропорядку / С расспросами. Увидишь грубый срез / И ржавчину. И это – Афродита? / Не руку жаль, а душу жаль, – протез / Не заведешь, не торс, а жизнь разбита* [3, с. 46].

Интересно, что в стихотворении «Мне, видевшему Гефсиманский сад...» А. Кушнер изначально делает акцент на местоимении 1-го лица единственного числа, помещенном в инициальную позицию: *Мне, видевшему Гефсиманский сад, / Мне, гладившему ту листву рукою, / Мне, прятавшему в этой жизни взгляд / От истины, взирающей с тоскою / На нас, – за что такой подарок мне...* [3, с. 63]. Лирический герой интересуется: *За что мне эта зелень, этот свет?* – и получает в последней строке ответ на свой вопрос: *А ни за что! Как ты сказал: спонтанно?* Появляется ты, форма 2-го лица с отсылкой к словам, произнесенным им ранее. Это отсылка к концу первой строфы: *...Гроз / Ночных спонтанны вспышки и наивны!* А ведь это были слова лирического героя. Следовательно, местоимением *ты* в конце стихотворения обозначен сам лирический герой. За счет этого возникает определенного рода полифония: стихотворение воспринимается как диалог рефлексизирующего лирического героя с самим собой.

Достаточно часто А. Кушнер использует риторические обращения к неодушевленным предметам и явлениям: *Здравствуй, выход за*

межу / Золотого мирозданья! [3, с. 43]; О, бесчувственность! Сумрачная необщительность! [3, с. 49].

III тип речи (высказывания от 3-го лица), который считается наиболее распространенным, может быть проиллюстрирован такими примерами: *И Сизиф свой валун обязательно на гору вкатит, / Потому что защелка однажды ломается, дверь / Больше не запирается, гнев выдыхается: хватит! / Останавливаются часы, обрывается трос, / Заменяются боги одним – и его под сомнение / Ставят, слезы текут...* [15, с. 47]; *Он поймал себя, пылкий, на том ощущение, / Обнимая ее, что опять – в лабиринте, / Правда, в этот раз – в маленьком, и восхищение / Испытал: с этим делом у них тут на Крите / Хорошо, как нигде. И, смутясь, свою рыбку / Прижимал, свою птичку, к себе что есть силы* [15, с. 53].

I, II, III типы речи чаще всего взаимодействуют в рамках одного художественного произведения.

По мнению Я. И. Гина, выявление общепоэтических норм следует начать с ядерных грамматических категорий, которые играют наиболее важную роль в структуре художественного текста или регулярно подвергаются переосмыслению. Среди таких категорий для русского языка – грамматический род субстантивов и лицо местоимений и глаголов.

В качестве главной особенности использования категории лица в лирике Я. И. Гин называет «динамику лиц в тексте, или различного рода переключения лиц» [2, с. 86]. Он также отмечает регулярность переключения лиц в лирической речи XX в.

Переключение типа «3 ↔ 2» представлено в стихотворении «Тираноубийцы Гармодий и Аристокитон...». О Гармодии и Аристокитоне А. Кушнер сначала пишет в 3-м лице: *Тираноубийцы Гармодий и Аристокитон. / Коль не запишу, как их звали, то сразу забуду. / Стоят они голые, странная честь, но для жен / Тут радости нету, для девушек тоже: влюблен / Тот в этого...* [3, с. 58]. Однако к концу стихотворения автор напрямую обращается к «тираноубийцам», во 2-ом лице, задает им вопросы: *Ну, ладно, ребята, убили мерзавца – и тем / Прославились. Все. Расходитесь. Зачем же обоим / Стоять перед публикой? Мало вам гимнов, поэм, / Ваш подвиг воспевших? И тем / Хватает других, более современных, не скроем. / Рождением ребенка венчается брак у людей / Обычных, увы, поделом презираемых вами. / А ваше дитя? Или двух вы хотите смертей, / Трех, чадолюбивые? Сколько их в вашей программе?* [3, с. 58–59].

В стихотворении «Лишайничек серый, пушистый, на дачном заборе...», наоборот, осуществляется переход от 2-го лица к 3-му:

Лишайничек серый, пушистый, на дачном заборе, / Такой бархатистый, – свидетелем будь в нашем споре. <...> Всего лишь лишайничек, мягкою сыпью, и то лишь / Забывшись, руке потрепать его быстро позволишь, / И вымолишь вдруг то, о чем столько времени молишь [3, с. 64].

В целом категория персональности участвует в создании идейно-художественного своеобразия поэтических произведений А. Кушнера.

Библиографические ссылки

1. Бондарко А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб. : Наука, 1991.
2. Гин Я. И. Поэтика грамматической категории лица в русской лирике // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 85–93.
3. Кушнер А. С. На сумрачной звезде. Новые стихи. СПб. : Акрополь, 1994.
4. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций. Минск : БГУ, 2009.
5. Солганик Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/53678/> (дата обращения: 14.02.2017).

И. С. Балабанович. Белорусский государственный университет
I. S. Balabanovich. Belarusian State University
e-mail: balabanovich_i@mail.ru